

**КАРИН
ФОССУМ**
НЕ
БОЙСЯ
ВОЛКОВ

**KARIN
FOSSUM**
DEN SOM
FRYKTER
ULVEN

КАРИН ФОССУМ НЕ БОЙСЯ ВОЛКОВ

Перевод с норвежского

Анастасии Наумовой

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.113.5-312.4
ББК 84(4Нор)-44
Ф81

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Фоссум, Карин

Ф81 Не бойся волков: роман / КАРИН ФОССУМ; пер. с норвежского
А. НАУМОВОЙ. — Москва : АСТ : CORPUS, 2013. — 352 с.

ISBN 978-5-17-077994-9 (ООО “Издательство АСТ”)

Инспектор Конрад Сейер, герой серии романов Карин Фоссум, — типичный норвежский полицейский: серьезный, пунктуальный и немного старомодный. В “Не бойся волков” он занят расследованием двух вполне заурядных по нынешним временам преступлений, разгадка которых, как и мотивы, вроде бы лежат на поверхности: убийства пожилой женщины, одиноко живущей на своей ферме, и ограбления банка с захватом заложника. Однако, как постепенно выясняется, во всех этих событиях непонятным образом замешаны весьма необычные персонажи — в том числе сбежавший из психиатрической клиники молодой человек, наделенный, по мнению местных жителей, некими сверхъестественными способностями (включая способность предвидеть будущее).

Карин Фоссум называют норвежской королевой детектива. Серия ее романов об инспекторе Конраде Сейере принесла ей мировую известность и переведена на 16 языков. На русском языке выходили два ее романа: “Глаз Эвы” и “Не оглядывайся!”. По последнему роману в Италии снят фильм “Девушка у озера” (реж. Андреа Молайоли).

УДК 821.113.5-312.4
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-17-077994-9 (ООО “Издательство АСТ”)

- © Cappelen Damm AS
- © А. Наумова, перевод на русский язык, 2013
- © А. Бондаренко, художественное оформление, 2013
- © ООО “Издательство АСТ”, 2013
Издательство CORPUS ®

Я ненавижу людей прежде всего за то, что они существуют. Я слежу за их движениями и люто завидую им. Я, безумец, сижу внутри айсберга и тщательно подмечаю всю злобу, с которой люди нападают на меня. Так, в сумрачной местности, рождается на свет повелитель мира.

ЭЛЬГАРД ЮНССОН

Посвящается Кари

Меж ветвей пробивались солнечные лучи. От удивления и неожиданности он остановился. Он только что поднялся с кровати и по-прежнему в полусне вышел из темного дома на ветхое крыльцо. И здесь солнце ослепило его, шилом кольнув в глаза. Он закрыл лицо руками, но солнце уже пробиралось внутрь черепа, раздвигая хрящи и кости, а потом голова вдруг наполнилась пронзительным светом. Мысли будто разлетелись на тысячи кусочков. Ему захотелось вскрикнуть, но он считал, что кричать — это недостойно, поэтому промолчал и, стиснув зубы, замер. Его тело начало меняться. Кожа на черепе натянулась, ее будто покалывало — сначала слегка, а потом все сильнее и сильнее. Дрожа, он хватался руками за голову, но глаза растягивались, а ноздри расширялись — и вот они уже размером с замочную скважину. Тихо застонав, он пытался собраться с мыслями, но остановить эту ужасную силу не мог. Его лицо медленно исчезало, оставляя лишь голый череп, обтянутый прозрачной белой кожей. Он со стоном попытался нащупать собственное лицо. Нос размяк и превратился в отвратительный комок. Он схватился за кисть руки, но оставшийся от нее обру-

бок тут же расплющился, будто гнилая слива. А затем его вдруг отпустило. Он осторожно вздохнул, чувствуя, что лицо вновь обретает прежние очертания. Заморгав, он открыл и закрыл рот и уже хотел было вернуться в дом, как грудь пронзила жуткая боль, словно в него впилося вдруг какое-то невидимое чудовище. Он съежился и обхватил себя руками, стараясь защититься от раздирающих грудь когтей. Грудь начала растягиваться, соски уползли в подмышки, а кожа на обнаженном торсе стала тонкой, с толстыми, будто провода, венами, наполненными черной пульсирующей кровью. Согнувшись, он понял, что противостоять этому больше не в силах. Внезапно тело его разорвалось, словно он был троллем, которого выманили на солнце. Из раны вывалились внутренности. Он схватился за рваные края и попытался стянуть собственную плоть, но она выскальзывала у него из пальцев. Внутренности падали к ногам, а сам он напоминал выпотрошенное животное. Откуда-то из-под ребер доносились глухие удары — это бешено колотилось испуганное сердце. Он долго простоял на крыльце, скрючившись и всхлипывая. Тело заполнила пустота. Наконец он приоткрыл один глаз и со страхом оглядел себя. Внутренности больше не вываливались. Он наклонился и принялся неловко засовывать их назад — как придется, одновременно придерживая рукой кожу, чтобы они опять не выскочили наружу. Сейчас внутренности лежали вперемешку, оттопыривая живот в самых удивительных местах, но главное — все

заделать, тогда никто ничего не заподозрит. Он знал, что его тело устроено не так, как у всех остальных, но со стороны этого не видно. Наконец на крыльце остались лишь пятна крови. Он туго стянул кожу вокруг раны и почувствовал, как она начала зарубцовываться. Вдыхал он с осторожностью, чтобы рана опять не разошлась. Он по-прежнему стоял на крыльце. И яркий луч солнца по-прежнему пробивался меж ветвей, острый, словно меч. Но теперь его тело вновь стало целым. Просто все произошло слишком неожиданно. Не следовало ему вот так бездумно вскакивать с кровати и выбегать к солнцу. Он обитал в своем собственном пространстве, а на мир смотрел сквозь темную занавеску, не пропускавшую свет и звуки. Прилагая все усилия, он старался удерживать занавеску на месте. А сейчас забылся и будто ребенок кинулся навстречу новому дню.

Ему вдруг пришло в голову, что наказание было несправедливо суровым. Пока он спал в полумраке комнаты, ему приснилось что-то, и именно этот сон заставил его вскочить с кровати и, забыв обо всем, рвануть на улицу. Прикрыв глаза, он вспомнил картинки из сна. Ему приснилась мать: она лежала возле лестницы, а изо рта у нее текла красная горячая кровь. На матери был белый фартук с крупными цветами, а сама она была полная, похожая на опрокинутый кувшин с красным соусом. Он вспомнил ее голос, немного похожий на грустные звуки дудочки.

И, осторожно ступая, он вернулся в дом.

Мы расскажем вам историю об Эррки, которая началась в три часа ночи, когда он сбежал из лечебницы.

— Эррки, не в наших правилах называть это заведение лечебницей. Конечно, про себя ты можешь называть его как тебе заблагорассудится, однако, когда говоришь, следует думать и о других. Чтобы быть корректным. Или, если угодно, тактичным. Понимаешь, о чем я?

Господи, слова лились из ее уст, будто медовый поток, а тон голоса напоминал звучание электрического органа.

— Это место называется Варден, — произнес он, язвительно улыбнувшись, — здесь, в Вардене, мы все — одна большая семья. Звонит телефон: “Варден, добрый день, слушаю вас!”, “А кто у нас доставит почту в Варден?”

— Правильно. Это лишь дело привычки. Немного уважения — только и всего.

— Не от меня, — мрачно возразил он, — меня запихнули сюда насильно, согласно параграфу пять. Вероятность нанесения ущерба себе или другим. — Он наклонился к ней, и его голос превратился в шепот: — Скажи спасибо, что в мозгах у меня полный бардак — если б не это, ты не получала бы зарплаты.

Ночная дежурная вздрогнула: в это время суток она всегда чувствовала себя особенно беспомощной, оно казалось ей черной дырой, отделяющей ночь от утреннего света, серой зоной, когда птицы

умолкают и ты сомневаешься, что услышишь их пение вновь. В это время суток может произойти такое, о чем она и не подозревает... Ее тело обмякло, внезапно на нее навалилась усталость. Не осталось сил, чтобы разглядеть его боль, вспомнить его, припомнить, что он на ее попечении. Она видела лишь его уродство и эгоизм.

— Это мне известно, — прошипела она в ответ, — но ты здесь уже четыре месяца, и, насколько я могу судить, тебе тут неплохо. — Губы ее превратились в куриный клюв, и орган издал вдруг резкий аккорд.

А потом он сбежал. Это оказалось совсем не сложно. Ночь выдалась теплой, а окно было открыто, так что щель составляла пятнадцать сантиметров. Конечно, окно было зафиксировано металлической рейкой, но он просто взял пряжку от ремня и ее язычком отвинтил все шурупы. Зданию было больше ста лет, поэтому они с легкостью выскочили из трухлявой рамы. Его палата располагалась на первом этаже, поэтому из окна он спрыгнул легко, словно птица. И, очутившись на газоне, решил пойти не через парковку, а сразу в лес, откуда можно напрямую попасть к озерцу, которое они называли Колодцем. Ему было все равно, куда идти. Главное — покончить с Варденом.

Лесное озерцо показалось ему прекрасным — оно не старалось принарядиться и всегда оставалось неизменным. Его гладь была совершенно ровной, спокойной и открытой. Озеро не отталкивало его и не старалось унижить. Оно не мешало ему.

Оно просто существовало. Лечебница находилась всего в двух шагах отсюда, но за деревьями ее видно не было. По просьбе Нестора он остановился, заглянул в темную глубину Колодца, и ему тотчас же вспомнилось, как здесь нашли тело Тормода — черно-зеленая вода шевелила его светлые волосы, а на руках были неизменные резиновые перчатки. Выглядел он не очень, но Тормода и при жизни нельзя было назвать красавцем. Толстый и медлительный, с водянистыми глазками, он вдобавок был еще и тупым. Мерзкий желеобразный человечек, который постоянно просил у всех прощения, словно боялся заразить их чем-то, совершить ошибку, страшился, что они почуют вдруг его тлетворное дыхание. И Господь забрал беднягу к себе. Может, он резвится сейчас где-нибудь на облаке, освободившись наконец от тесных перчаток. Может, там он встретил собственную мать и теперь они катаются на облаке вместе. Свою мать Тормод обожал... Вспомнив бегающий взгляд Тормода и его белесые ресницы, Эррки сглотнул слюну. Его тщедушное тело дернулось, и он двинулся дальше. Темная фигурка отчетливо виднелась среди светло-зеленых деревьев, но никто сюда не смотрел. Все спали. И место Тормода занято. После самоубийства от Тормода осталось лишь его физическое воплощение, которое им было нужно намного больше, чем сам он: свободная кровать. “Какое удивительное перерождение, — подумал Эррки, — Тормод превратился вдруг в свободную кровать...” И от него, Эррки, тоже останется

только кровать со свежевыглаженными простынями. Он прислушался к голосу и кивнул, а потом неуклюже зашагал в лесную чащу. К тому времени как дежурная приоткрыла дверь в его комнату, он уже два часа как шел по проселочной дороге. Дежурная же не отважилась пересказать их разговор. “Нет, ничего необычного я не заметила. Он вел себя, как и всегда...” Они сидели на утреннем совещании, и солнце слепило ей глаза, а слова огнем жгли горло.

Он прошел мимо школы верховой езды, прислушиваясь к тому, как большие темные животные нетерпеливо постукивают копытами. Один конь заметил его и громко фыркнул. Наблюдая краем глаза за лошадьми, Эрkki захотел вдруг очутиться среди них, породниться с ними. Лошадей никто не донимает вопросом: кто ты? И тяжести на лошадей взваливают вполне посильные, а все свободное время лошади отдыхают. И если ты плохая лошадь, которая ни на что не способна, то тебя просто пристреливают — только и всего. И так день за днем — бродишь себе за загородкой, а на спине у тебя сидит ребенок. Пьешь из старой ванны. Спишь стоя, склонив голову на грудь. Отмахиваешься от надоедливых насекомых. И так до конца жизни, пока время твое не выйдет.

Эрkki двигался по дороге и вдруг почувствовал, как дрожит воздух: это люди просыпаются, скоро они выползут из-под одеял и полезут изо всех углов и щелей на свет божий. Затем появились первые машины, и Эрkki прибавил ходу. Нет, лучше вернуться в лес. Изредка он поднимал голову — ему нра-

вилось смотреть на трепещущую листву, на пробивающийся сквозь ветви солнечный свет, нравилось вдыхать запах травы, вслушиваться в потрескивание веток под ногами. Вокруг него, вцепившись корнями в почву, выстроились деревья, серые и сухие. Эрkki выдернул кустик папоротника, оторвал корневище и, поднеся его к глазам, пробормотал: “Корень, стебель и листья... Корень, стебель и листья...” Его наконец охватила усталость. Вдали он заметил холм, отбрасывавший тень. Эрkki подошел к холму и улегся в траву, постоянно прислушиваясь к тихому электрическому жужжанию голоса в голове. В кармане куртки у Эрkki был пузырек с завинчивающейся крышкой. “Сон — брат Смерти”, — подумал Эрkki, прикрыв глаза. Прямо перед ним раскинулась равнина.

Так умел ходить только Эрkki — тяжело ступая и прихрамывая, будто подбитая ворона, но необычайно быстро. Одежда мешком висела на нем — распахнутая куртка, широкие расклешенные брюки, которые он неделями не снимал, старые синтетические брюки с вьезшимся в них запахом пота и мочи. Голову он постоянно склонял набок, будто растянул шейную связку, и, шагая, Эрkki редко смотрел вперед — вместо этого он вглядывался в землю и рассматривал собственные ноги. Они переступали сами по себе, никакой цели Эрkki перед собой не ставил, он мог двигаться много часов подряд и долго не уставал. Он двигался, будто заводная птичка с ключиком в спине и раскинутыми крыльями. Ему было двадцать четыре года, он был узкоплечим,

но с удивительно полными бедрами. Из-за плохой наследственности бедренные суставы у него болели, поэтому, чтобы шагнуть, ему нужно было сначала по-особому вильнуть бедрами, как будто он с досадой старался стряхнуть со спины что-то мерзкое. Поэтому этого многие считали, что походка его напоминает женскую. Шея у Эрки была длинной и не по-мужски тонкой, казалось, что голове никак не удержаться на такой тощей шее. Нет, голова у него была не особенно большой, зато мысли в ней были намного тяжелее тех, что обычно бродят в головах у людей. Ел Эрки мало и за всю жизнь успел набрать только шестьдесят килограммов. Ведь так сложно решить, чего хочешь съесть — например, хлеба или хлопьев? Сосиску или гамбургер? Яблоко или банан? Как все остальные могут определиться с выбором, который жизнь подбрасывает на каждом шагу? *Почему они так уверены, что их выбор — правильный?* В кармане у него лежал пузырек с завинчивающейся крышкой, а внутри было средство, благодаря которому ноги слушались его, а мысли становились упорядоченными. Он всегда брал пузырек с собой — когда гулял по коридорам в Вардене, сидел в автобусе, ехал на поезде или бродил по дороге. Если он никуда не шел, то ложился и отдыхал. Волосы у Эрки были темными и прямыми, грязной длинной гривой они занавешивали лицо. От прыщей на лице остались оспины. Прыщи появились у него в тринадцатилетнем возрасте и воспаленными вулканами покрыли кожу. Тогда он пе-

рестал мыться: если на лицо попадала вода с мылом, прыщи краснели, зато когда кожа покрывалась жиром, их почти не было заметно. Из-под гривы волос выглядывало длинное узкое лицо с острыми скулами и тоненькими темными бровями. Глубоко посаженные глаза словно жили собственной жизнью, редко глядя на других. Однако если кому-то удавалось поймать его взгляд, то в глазах Эрки мелькал слабый отсвет. На собеседника он всегда смотрел исподлобья, а из-за длинных волос и одежды кожа его оставалась бледной даже солнечным летом. Чтобы широкие брюки не сваливались, он подпоясывал их кожаным ремнем с латунной пряжкой в форме орла с вытянутой шеей и расправленными крыльями. Маленькими эмалевыми глазками орел будто разглядывал невидимую добычу — например, небольшой пенис Эрки, спрятанный глубоко под грязными брюками. Для мужчины его возраста пенис был необычайно маленьким, и Эрки никогда еще не спал с женщиной. О чем никто не знал, а сам Эрки предпочитал этому болезненному процессу другие, более важные, дела. Зато пряжка в виде орла Эрки нравилась, он любил смотреть, как она трясется при ходьбе. Может, все вокруг даже подумают, что там, за ширинкой, прячется настоящий зверь.

На дороге было тихо. Стояла жара. По обеим сторонам до горизонта раскинулись желтые поля. Вдали показалась девушка с коляской. Она заметила его темную вихляющуюся фигуру и поняла, что ей придется пройти мимо, совсем близко. Дорога одна,

поэтому обойти не получится. Выглядел он странно, и, приближаясь к нему, девушка напряглась. Теперь шагала она довольно скованно, а он подходил все ближе, тело его подергивалось, а в облике крылось одновременно что-то пугающее и агрессивное. Она решила, что не станет смотреть ему в глаза и постарается быстро проскочить мимо. И вид попытается сохранять самый что ни на есть равнодушный. Во всяком случае, он не должен уловить ее страха, потому что стоит ему только почуять, что она боится, и он тотчас же набросится на нее, как бродячая собака.

Если Эрки был уродливым, то девушка, наоборот, — красивой и светловолосой. Даже сквозь темную невидимую занавеску он понял, что она похожа на луч яркого света. Крепко вцепившись в ручку коляски, она раздраженно толкала ее перед собой, будто щит, будто предлагала содержимое коляски в обмен на собственное спасение. Так показалось Эрки. Он уже долго бродил, поглощенный своими мыслями, и, увидев краем глаза беспокойную фигурку, насторожился. Такая незначительная, словно трепещущий на ветру лист бумаги. Эрки даже головы не поднял. Он уже давно разглядел ее силуэт и понял, кто идет ему навстречу. По личной шкале ценностей Эрки девушка с коляской была самым убогим существом на свете. Стоит такой родить ребенка, как ее охватывает какое-то идиотское ощущение счастья, — нет, это выше его понимания. На земле и так уже миллиарды несчастных, и тем не ме-

нее дети полностью меняют их восприятие мира. Непостижимо. Однако он все же мельком взглянул на нее и спросил сам себя: “У нее злые намерения или никаких?” Добрых он обычно не чувствовал. К тому же обмануть его еще никому не удавалось. Снаружи, по внешности, никогда не определишь, враг перед тобой или нет. Может, под детским одеяльцем у нее спрятан нож? Эрkki представил остроконечный предмет с зазубринами по краям. Заранее никогда не знаешь. Они поравнялись, и Эрkki услышал вдруг странный звон разбитого стекла. Девушка крепче сжала ручку коляски и на секунду подняла взгляд. К своему ужасу, она заметила странный блеск в его глазах, а под распахнутой курткой успела прочитать надпись на футболке: “УБЕЙ ВСЕХ!” Такое не забывается, поэтому она стала одной из тех, кто позже сможет рассказать полицейским, как в тот самый день на том самом поле видела человека, которого они разыскивают.

А другие всегда пытались добраться до него, им хотелось заполучить не только его искалеченное тело, внутренности в котором спутались в один большой клубок, и не только твердое сердце, дрожащее за решеткой костей. Им хотелось залезть внутрь, в его секретную комнату, залитую слепящим светом лампы. Они прятали свои злобные цели за красивыми словами и постоянно убеждали его, что действительность прекрасна, а общество — необычайно интересно. Это было невыносимо. *И терпеть он не собирался!* Эрkki растерянно покачал головой. Он потерял

всякий контроль над мыслями, и сейчас те лишь мешали ему.

Он побрел в дом и улегся на грязный матрас. Как же хорошо, что он улизнул из лечебницы, подальше от ее удушливой атмосферы. И хорошо, что он отыскал этот заброшенный домик. Подогнув колени, он перевернулся на бок, просунул руки между ног и прижался щекой к заплесневелой ткани матраса. Он взгляделся в себя, в темный пыльный Подвал с небольшим отверстием в потолке, сквозь которое падал луч неяркого света, так что на каменном полу образовался светлый круг. Там сидел Нестор. Возле него валялось поношенное Пальто. Оно казалось совершенно безобидным, как любая забытая вещь, но уж он-то знает... Эррки долго лежал не двигаясь и ждал, а потом уснул. Чтобы рана затянулась, нужно время. Пока она затягивалась, ему снились сны. После наказания всегда следовало утешение, и он с благодарностью принимал его. Это было частью их договора. Было три минуты седьмого, четвертое июля, и дом начал медленно накаляться от жары.

Обнаружив в лесной чаще домик, Эррки приятно удивился. Дом уже несколько десятилетий пустовал, однако он отлично сохранился, хотя почти всю мебель поломали бродяги. За столько лет многие забре-

дали сюда в поисках временного прибежища, оставляя после себя пустые бутылки и другие следы.

Не выходя из леса, Эрки огляделся. Дом был деревянным, а перед ним лежала небольшая полянка, поросшая густой травой. Эрки подошел к массивной двери и толкнул ее, потом замер и принюхался. В домике имелись кухня, гостиная и две крошечных спальни, в одной из которых на кровати лежал старый полосатый матрас. Осматриваясь и вдыхая запах старого дерева, он обошел дом. Эрки не знал, что на самом деле в этом доме он был ближе к своим предкам, чем когда-либо: прежде здесь ночевали пастухи, а еще раньше на участке жили финские земледельцы, поселившиеся в этих местах в семнадцатом веке. Расхаживая по комнатам, Эрки чутко прислушивался, но стены молчали. Похоже, внутри что-то произошло — в стены, казалось, вьелся гнев. Кое-где из толстых бревен торчали щепки, словно кто-то поработал топором. Ни одно из окон не уцелело, и лишь осколки стекла торчали из потрескавшихся рам. В голову ему пришло сразу несколько мыслей. На машине сюда не проедешь. И, насколько он может судить, никто не видел, как он свернул с дороги и начал карабкаться по склону. Часов у Эрки не было, но он точно знал, что добрался сюда от дороги ровно за полчаса. Ни еды, ни одежды с собой у него не было, но это Эрки не волновало. Однако его мучила жажда. Пытаясь наполнить рот слюной, он подвигал челюстями и пожевал собственный язык, а затем пошел в кухню и открыл наугад несколько

ящиков. Ручки давно отвалились, и ему пришлось поддеть ящики ногтями.

Внутри он нашел вилку с погнутыми зубцами, упаковку свечек, хлебные крошки, пауков, крышки от пивных бутылок и пустой спичечный коробок. На разбитом окне висели остатки тюлевой занавески, но когда Эрки притронулся к ней, ткань рассыпалась прямо у него в руках. Он вернулся в гостиную. Одно из окон выходило на полянку перед домом, другое — на озеро. Возле стены стояла старая тахта, обитая грубой зеленой тканью, а с противоположной стороны — большой шкаф. Эрки открыл дверцу и заглянул внутрь. Шкаф оказался пустым. Дощатый пол покоробился, так что ходить было неудобно. Эрки осторожно опустился на тахту, но пружины заскрипели, а с потертой обивки поднялось облако пыли, поэтому Эрки встал и направился в комнату с матрасом. Стянул с себя куртку и футболку, улегся на кровать и на целую вечность забылся. Проснувшись, он не мог вспомнить, где находится, к тому же его сбили с толку сны. Не подумав, парень выскочил на крыльцо, прямо на солнце. Как же это унижительно — соскребать с крыльца собственные внутренности, слышать злорадный смех Нестора и ловить кишки, змейками ускользающие сквозь пальцы...

Он вновь проснулся, осторожно сел в кровати и, глядя перед собой, пощупал рану. Она полностью затянулась, и на ее месте остался лишь красный рубец. Шрам тянулся от груди до пупка. Сейчас солнце под-

нялось еще выше. Эрkki встал с кровати. Из мебели в комнате стояла также грубо сколоченная тумбочка размером не больше коробки. Медленно подойдя к тумбочке, он выдвинул ящик. Вглядываясь внутрь, рассеянно потер онемевшую ногу. Видно, он лежал на чем-то твердом... Эрkki вернулся к кровати и посмотрел на матрас, а потом ощупал его. Пальцы наткнулись на небольшой твердый предмет. С неясным предчувствием он поднял матрас и перевернул его — с другой стороны в матрасе была проделана большая дыра. Эрkki засунул руку внутрь и пошарил в подкладке, пока не нащупал что-то холодное. Вытащив это что-то, он сперва не поверил собственным глазам. В ветхом домике, прямо в старом трухлявом матрасе был спрятан револьвер. Осторожно держа его обеими руками, Эрkki заглянул в дуло. Сначала пистолет в руках Эрkki казался совершенно чужеродным предметом, однако затем Эрkki сжал его правой рукой, а палец положил на курок. Надо же, какой он удобный... Сколько силы в нем заложено... Ему все на свете подвластно. Бриз, ветер и буря. Он с любопытством открыл дверцу барабана и заглянул внутрь. Там остался лишь один патрон. Эрkki нетерпеливо вытащил его и принялся рассматривать. Патрон был длинным, блестящим и на удивление округлым. Он затолкал патрон обратно и обрадовался, увидев, насколько плотно тот вошел в гнездо. Эрkki огляделся: значит, кто-то из ночевавших здесь оставил в матрасе револьвер... Странно... Может, владельца застали врасплох и он не успел вытащить его и за-

хватить с собой? Может, тот человек ждет подходящего момента, чтобы вернуться за ним. В оружии Эррки ничего не смыслил, но решил, что перед ним дорогой крупнокалиберный револьвер. Он с трудом разобрал маленькие букочки на рукояти: “Кольт”.

“Что скажешь, Нестор?” — тихо пробормотал он и повертел револьвер в руках. А затем вдруг замер и отбросил его, так что тот со стуком ударился о пол. Эррки выскочил на кухню и прижался к столу. Как же он не подумал, что Нестор наверняка предложит какую-нибудь мерзость. Он слышал: эти двое там, в темном Подвале, хохочут так, что пыль поднялась столбом. Эррки вернулся в комнату, остановился и долго смотрел на револьвер. Наконец он поднял его и спрятал обратно в матрас. Ему он не нужен. У него есть другое оружие. И Эррки начал расхаживать по дому — из кухни в гостиную и обратно, не отрывая взгляда от покореженных досок на полу. Они прогибались и разноголосно поскрипывали. Вскоре он уже составил целую мелодию. Черная грива закрывала ему лицо, одежда мешковато висела, а руки он вытянул перед собой, шевеля пальцами в такт скрипу. Эта мелодия захватила его, он не мог остановиться, впрочем, ему и не хотелось. Скрип успокаивал, хорошо было бродить вот так, растопырив пальцы и мелко переступая ногами. Скрип-поскрип, топ-топ-топ, вот Эррки идет, хоп-хоп-хоп. Он не знал, сколько времени пробродил так, но, собравшись в конце концов с силами, подошел к входной двери и осторожно приоткрыл ее. Солнце нещадно выжи-

гало траву на полянке. Опустив глаза, он с опаской ступил на каменную плитку перед крыльцом, шагнул в траву и остановился. Пахло шишками и папоротником. “Корни, стебель и листья...” Эрки двинулся вперед. Он не знал, куда идет и зачем. Нестор велел ему спуститься по склону и направляться к деревне. День едва занимался, но самые ранние пташки уже начали просыпаться. Они раздвигали шторы и смотрели в окно на это чудное утро. Теплое. Светлое. Наполненное яркой зеленью. И они радостно строили планы, желая на полную катушку насладиться прекрасной погодой и коротким летом.

Среди них была и Халдис Хорн. Жила она одиноко, а ее домик с огородом находился неподалеку от Финского хутора. Когда Эрки стоял на полянке возле домика, Халдис стягивала через голову ночную рубашку. Ее первая молодость уже давно была позади, а за ней миновала и вторая. К тому же она была слишком тучной. Однако тем немногим, кто лишен предрассудков, и она могла показаться привлекательной — крупная, полная, с высокой грудью и похожей на стальной канат седой косой, струящейся по спине. Лицо ее было круглым и свежим, щеки разругались, и, несмотря на возраст, взгляд блестящих глаз оставался живым. Она прошла через гостиную, вошла на кухню и открыла дверь во двор. Женщина подставила лицо солнечным лучам и немного постояла так, прищурившись. На ней был клетчатый фартук, туфли на деревянной подошве и коричневые гольфы до колена. Нет, она не мерзла, просто по-

нимала, что женщине ее возраста лучше прикрывать кожу. И хотя из людей увидеть ее мог лишь посыльный, приходивший сюда раз в неделю, зато всевидящее око Господа наверняка за ней наблюдает. От него ничто не ускользнет — ни добро, ни зло. Халдис Хорн была религиозной, но порой и она гневалась на Господа, а прощения не просила. Она огляделась. На полянке перед домом и в ухоженном садике, словно сыпь, вылезли одуванчики. Уже дважды за это лето она брала тяпку и выпальвала сорняки, один за другим вырубая их точными ударами. Работать ей нравилось, но порой она жаловалась, чтобы напомнить своему блаженной памяти супругу, на какие муки тот обрек ее, когда свалился прямо под трактор, — а все из-за тромба в вене размером с рисовое зернышко. Она так и не поняла, почему ее муж, сильный, крепкий мужчина, можно сказать, гора мышц, умер от такой ерунды, хотя врач долго растолковывал ей, как все устроено. Для нее это осталось загадкой, подобной тем, почему самолет может летать и как так получается, что, набрав номер, она слышит в телефонной трубке нитье сестры Хельги в Хаммерфесте...

Однако нужно приниматься за работу, пока солнце не напекло... Она отыскала тяпку и вышла на поляну. Заслонившись ладонью от солнца, Халдис огляделась, прикидывая, откуда начинать, и решила, что начнет от крылечка, будет двигаться к колодцу, а оттуда — к сараю. В коридоре она прихватила ведро и грабли. Она быстро работала тяпкой, но потом немного устала. На каждый сорняк у нее уxo-

дило по два-три удара. Халдис прервалась на минуту и высыпала ведро с сорняками в компостную яму за домом. “Из земли ты появился...” — подумала она, с силой постукивая по дну ведра. И она вернулась к прополке. Ее широкий зад торчал над грядками, покачиваясь в такт ударам тяпки, а фартук в красно-зеленую клетку колыхался на ветру. Лоб блестел от пота, коса то и дело падала вперед. Обычно она укладывала косу вокруг головы и закалывала ее, так что та напоминала блестящую змею, но сначала нужно привести себя в порядок.

Ей нравилось слушать, как тяпка впивается в сорняки, острая, как топор, — Халдис сама ее наточила. Время от времени тяпка натыкалась на камень, и тогда Халдис охала, представляя себе тонко наточенное лезвие. Женщина продвигалась вперед, оставляя позади поле битвы, на котором вместо павших солдат лежали сорняки. Работая, она не имела обыкновения напевать или мурлыкать себе под нос какую-нибудь мелодию — самой работы вполне хватает, к тому же Создателю может вдруг показаться, что она чересчур весело живет, а уж это будет явным преувеличением. Закончив, она приведет себя в порядок и позавтракает... В мыслях она уже накрывала на стол. Хлеб домашней выпечки, сладкий творог собственного приготовления на козьем молоке...

Она выпрямилась. До нее доносились крики кружащих над деревьями птиц, потом ей вдруг показалось, что кто-то пробирается через заросли. А затем все стихло. Однако Халдис еще немного постоя-

ла, глядя на кусты и наслаждаясь секундами отдыха. Она обвела взглядом лес, где каждое дерево было таким знакомым, и ей почудилось, будто среди темных стволов мелькнула какая-то тень. Что-то чужое, инородное, нарушающее привычный узор.

Она напрягла глаза, однако никакого движения не заметила и решила, что все это ей просто привиделось. Потом перевела взгляд на колодец. Крышка поросла травой и выглядела неопрятно — придется взять секатор и подстричь траву. Она наклонилась и, повернувшись спиной к двери, продолжила прополку. Несмотря на раннее утро, солнце припекало, так что вскоре по ногам потекли ручейки пота. Вот так Халдис Хорн и жила, одну за другой решая проблемы и не жалуясь. Она была из тех, кто никогда не задумывается о смысле жизни или делах Создателя. Это казалось ей неподобающим. К тому же ответ мог ее напугать. И она вновь взялась за работу, да так, что ягодицы тряслись. А за деревом на холме замер Эрки — он не отрываясь смотрел на нее.

Женщина заморозила его. Ее фигура выросла из земли, прямо как толстые стволы сосен. Откуда-то из-за спины женщины он слышал ее одинокую мелодию — величественные звуки тромбона. Он уже долго стоял там, пожирая глазами округлые плечи и развевающееся на ветру платье. Эту женщину Эрки видел прежде

и знал, что живет она одна. Она редко разговаривает и слышит лишь шум ветра и сорочьи крики. Эррки сделал несколько шагов, и под ногами треснула ветка. Теперь удары тяпки стали отчетливее. Он посмотрел на руки женщины — грубые, с толстыми пальцами. В той силе, с которой тяпка опускалась на сорняки, не было ничего женственного. Он бесшумно приближался к ней, как вдруг заметил, что женщина почувствовала его приближение. Подобная чуткость появляется у тех, кто долго прожил в одиночестве. Она замедлила работу, а потом опять ускорила, словно отгоняя надвигающиеся события. Затем прекратила прополку, выпрямилась и сразу увидела его. Ее тело напряглось и выгнулось вперед наподобие моста. Между ними проскочила искра страха. Ее пальцы впились в тяпку, а глаза на мгновение расширились, но затем она настороженно прищурилась. В этом мире немного могло напугать Халдис, и тем не менее сейчас ей сделалось не по себе.

Он замер. Ему хотелось, чтобы она вернулась к прополке. Он хотел лишь смотреть, как она выполняет эту нехитрую работу, а ее ягодицы равномерно покачиваются в такт движению тяпки. Но Халдис испугалась — Эррки понял это благодаря ясным сигналам, исходившим от нее. Он неподвижно стоял, сжав кулаки и не в силах шевельнуться. Ее взгляд был пронизывающим, будто ледяной ливень.